

КРЫЛАТЫЕ ТАНЦЫ

В ТО УТРО он должен был танцевать па-де-де из «Корсара». По старинному либретто, его герой — раб, воспевающий красоту царевны Гюльнары, проданной в наложницы некоему сказочному восточному правителю. Впрочем, вряд ли кого из присутствующих на II туре Международного конкурса артистов балета занимали эти сюжетные подробности. «Корсары» сменяли «Дон-Кихоты», «Дон-Кихоты» — «Жизелей», и уследить за тем, кто кого воспекает, кто кого оплакивает, кто над кем торжествует — представлялось делом решительно невозможным.

По общепринятому балетному шаблону, все были принцами и принцессами, и все, по обязательным условиям конкурса, состязались за главный приз. Поэтому, когда под звуки музыки Адана появился молодой танцовщик, облаченный в серебристые шальвары, ничто не заставляло усомниться в том, что перед нами еще один принц. Выход его оказался действительно безупречно-царственным, и только потом стало заметно, что у «принца» немного вздернутый нос, худая мальчишеская шея, а коротко подстриженные волосы пшеничного цвета делают его похожим скорее на юного спортсмена, чем на балетного премьера. И все же он был, как и предписывало забытое всеми либретто, — вдохновенным и преданным рабом Гюльнары. Скульптурная лепка, поз, пространственный размах танца, а главное, способность к созданию образа — вот что отличало это выступление молодого танцовщика.

Его имя — Андрис Лиэпа.

Сыну знаменитого премьера Большого театра не пришлось долго раздумывать над выбором своего жизненного пути. Все складывалось как-то само собой. С детства мечтал о балете. В десять лет поступил в Московское академическое хореографическое училище, в восемнадцатый — его закончил. В этом году был принят в труппу Большого театра. Для выступления на первом в сво-

ей жизни конкурсе вместе с постоянной партнершей Ниной Ананишвили и педагогами А. А. Прокофьевым и Н. В. Золотовой подготовил еще и современный номер на музыку М. Таривердиева, па-де-де из «Коппелии» Делиба и еще несколько номеров из классических балетов. Своими выступлениями пока в общем доволен, выложился максимально. Конечно, мечтает о победе, но технический уровень соперников так высок...

Его увлечения? Очень любит лепить, рисовать, разумеется, на балетные темы.

Вот, пожалуй, все основное, что рассказал мне о себе Андрис Лиэпа. Видно было, что он устал после трудных и ответственных испытаний II тура, да и вопросы мои явно некстати. Ведь еще неизвестно решение жюри.

Однако, вне зависимости от этого решения, очевидно одно — Андрис покориł зрителей Большого театра. Покорил своей юношеской пылкостью, соединенной с мягким лиризмом и неожиданной для девятнадцатилетнего танцовщика завершенностью каждого танцевального штриха. В его движениях чувствовалась строгость манер и стиля, в поддержках — уверенность и легкость. Контур его танца была намечены с той благородной простотой и изяществом линий, которые отличают в нем ученика классической школы русского балета.

И еще очень важное, на мой взгляд, свойство А. Лиэпы-танцовщика — это чувство партнерства. Есть в нем и галантная учтивость истинных кавалеров — редкостная ныне в нашем балете способность «подавать» свою партнершу. И в романтической внимательности к своей даме, в том хотя бы, как он выводил ее на поклон, преподносил цветы, с какой рыцарской готовностью уступил ей аплодисменты, Андрис особенно напоминал одного из самых блестящих кавалеров мирового балета — Мариса Лиэпу.

И ЕЩЕ ОДИН «Корсар». На этот раз речь о принцессе.

Ее имя Иоханна Бьерсон. Она приехала к нам из Стокгольма, где танцует в Шведском Королевском балете.

— Раньше, — говорит Иоханна, — я никогда не помышляла о главных партиях. Конечно, надо желать и стремиться к большому, но для этого у меня нет пока ни опыта, ни достаточного мастерства. Старюсь честно трудиться для блага своего театра и радуюсь любому предложению. По-моему, и в подчинении общей дис-

циплине кордебалета можно найти свою прелесть. Ведь любой выход на сцену шлифует технику, упражняет волю и, наконец, просто вселяет веру в собственные силы, особенно, если это сцена Большого театра.

Вечер 14 июня я запомню на всю жизнь, как буду помнить па-де-де из «Корсара», которое мы так долго разучивали с моим партнером Матсом Вегманом в перерывах между репетициями и спектаклями у себя в Стокгольме, и которое нам показало одним мгновением на пустой и необъятной сцене Большого. Нет, я не испытывала волнения или страха. Я знала, что станую не хуже других и что Матс будет на высоте. И только, когда мы выходили на поклон, меня пронзила мысль, что здесь-то я, наверное, и стала балериной. Не по праву своего более чем скромного выступления и не по аплодисментам доброжелательной московской публики, а потому, что впервые почувствовала абсолютную внутреннюю свободу, раскованность, естественность каждого своего движения.

Остается добавить к рассказу Иоханны, что совершенная грация ее танца, красота арабесков и филигранная отточенность хореографических пассажей доставили истинное наслаждение всем любителям балета.

Конкурс балетных принцев и принцесс продолжается.

С. НИКОЛАЕВИЧ.

НА СНИМКАХ: Нина Ананишвили и Андрис Лиэпа в «Корсаре»; Иоханна Бьерсон.

Фото А. СТАРИКА.

